

ы фантастиче шедевр фантастиче шедевр фанта

Айзек
АЗИМОВ

*Сны
роботов*

ы фантастиче шедевр фантастиче шедевр фанта

Айзек Азимов
Здесь нет никого, кроме...
Серия «Рассказы о роботах»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158287

Сны роботов: Эксмо-Пресс; 2002

ISBN 5-699-00075-5

Оригинал: Isaac Asimov, "Nobody Here But..."

Перевод:

Р. Рыбакова

Аннотация

Два друга из рассказа Айзека Азимова «Здесь нет никого, кроме...» инженер-электротехник Билл Биллингс и математик Клиффорд Андерс построили довольно оригинального робота, названного ими Малышом. И вот однажды они с удивлением узнают, что у Малыша появилось собственное сознание...

Айзек Азимов

Здесь нет никого, кроме...

Нашей вины тут нет. Нам и в голову не приходило, что все идет не так, как следует, пока я не позвонил Клифу Андерсу и не поговорил с ним, когда его там не было. Да что там – я бы никогда и не узнал, что его там нет, если бы он вдруг не вошел в тот самый момент, когда я с ним разговаривал по телефону.

Господи, что это я несу – я всегда был отвратительным рассказчиком, мне никогда не удавалось рассказать все по порядку – я слишком возбуждаюсь. Ладно, начну с самого начала.

Я Билл Биллингс, Клиффорд Андерс мой друг. Я инженер-электротехник, он математик, и мы оба работаем в Средне-западном технологическом институте. Теперь вы знаете, кто мы такие.

Как только Клиф и я сбросили с себя военные мундиры, мы занялись вычислительными машинами. Надеюсь, вы представляете, что это за сооружения, – Норберт Винер подробно описал их в своей “Популярной кибернетике”. Они огромны, неуклюжи и занимают всю стену. К тому же они дороги.

У нас с Клифом появились некоторые идеи на этот счет. Понимаете, вычислительная машина громоздка и дорога по-

тому, что в ней полно всяких реле и вакуумных трубок, позволяющих контролировать микроскопические электрические токи. В сущности эти микротоки и есть самой главное в машине, поэтому...

Говорю я однажды Клифу:

– А почему мы не можем управлять током без всего этого проволочного салата?

Клиф говорит:

– Действительно, почему? – и тут же занялся математическими выкладками.

Каким образом нам за два года удалось получить то, что мы получили, значения не имеет. Важно, что машина, которую мы наконец построили, причинила-таки нам хлопоты. Когда мы ее закончили, она была примерно вот такая в высоту, почти такая в длину и примерно такая в глубину...

Ах, да, я все забываю, что вы меня не видите. Придется дать вам размеры в цифрах: около трех футов в высоту, шесть футов в длину и два фута в глубину. Представляете? Ее с трудом поднимали два человека, но все же ее можно было поднять, а это самое главное. К тому же считала она и проделывала остальные фокусы не хуже, чем эти громадины размером с целую стену; не так быстро, пожалуй, но мы продолжали ее совершенствовать.

У нас имелись свои планы насчет этого сооружения. Грандиозные планы. Мы надеялись, что вскоре нам удастся установить его на самолетах и судах, а позднее, если доведем га-

бариты до минимума, мы предложим его автомобилистам.

Автомобильный вариант казался нам привлекательнее других. Вы только вообразите себе крохотный электронный мозг, вмонтированный в рулевое управление и снабженный фотоэлектроглазом. Такой мозг выберет вам кратчайший путь, предотвратит столкновение, будет покорно останавливать машину перед красным светом, разовьет нужную скорость, а ты – седи себе на заднем сиденье и наслаждайся мелькающим за окном пейзажем. Автомобильные катастрофы отойдут в область преданий.

Работа над прибором доставляла нам огромное удовольствие. Когда я вспоминаю, какую радость мы испытывали, решая тот или иной узел, я чуть не плачу от досады – ведь не сними я тогда трубку и не позвони в лабораторию...

В тот вечер я находился у Мэри Энн... Я вам о ней рассказывал, не правда ли? Нет? Конечно, нет.

Мэри Энн – это девушка, которая непременно стала бы моей невестой, не будь при этом двух “если”. Во-первых, если бы она этого захотела, во-вторых, если бы у меня хватило смелости попросить ее об этом. У нее рыжие волосы, около 110 фунтов веса и не менее двух тонн энергии, заключенных в весьма привлекательный каркас высотой пять с половиной футов. Как вы уже догадались, я умирал от желания попросить Мэри Энн выйти за меня замуж, но всякий раз, как она появлялась в поле моего зрения, каждым своим жестом добавляя новую порцию горячего в костер, на котором поджа-

ривалось мое сердце, я тут же сникал.

И не потому, что я урод; находятся люди, которые утверждают, что я ничего себе: ни малейших намеков на лысину и рост почти шесть футов. Я даже умею танцевать. Все дело в том, что мне ей нечего предложить. Вы ведь знаете, сколько получает преподаватель в колледже – сущий пустяк, принимая во внимание инфляцию и налоги. Конечно, если бы мы запатентовали нашу думающую машину, все бы изменилось. Но просить Мэри Энн подождать – нет, на это у меня не хватало духу. Вот когда все утрясется...

Об этом я и размышлял тогда в ее гостиной.

– Я готова. Пошли, Билл, – заявила Мэри Энн, появляясь в дверях.

– Минутку, – попросил я, – мне нужно позвонить Клифу.

Она нахмурилась:

– Это так срочно?

– Я обещал позвонить еще два часа назад, – объяснил я.

Все это не заняло и двух минут. Я набрал номер лаборатории. Клиф хотел задержаться, чтобы спокойно поработать, и тотчас снял трубку. Я что-то сказал ему, он мне ответил. Я попросил уточнить какие-то детали, он объяснил – что именно, не имеет значения, но, как я уже говорил, в нашем содружестве он – мозг, а я – руки. Когда я составляю цепь и придумываю немислимые комбинации, это именно он, исписав страницы закорючками, решает, так ли уж они немислимы, как это кажется на первый взгляд.

И вот в тот момент, когда я закончил разговор и положил трубку на рычаг, раздался звонок в дверь.

Вначале я решил, что Мэри Энн пригласила еще кого-то, и почувствовал, как по спине у меня пробежал эдакий холодок. Механически записывая данные, сообщенные мне Клифом, я следил за тем, как она открывает входную дверь. Но это оказался всего-навсего Клиф.

Он сказал:

– Я так и знал, что застаю тебя здесь. Хэлло, Мэри Энн! Послушай, ты же обещал позвонить в шесть! Ты так же надежен, как картонное кресло.

Клиф весь круглый, коротышка и готов в любую минуту связаться в драку. Я на это не реагирую, я слишком хорошо его знаю.

Я пробормотал:

– Тут одно наскочило на другое, и я забыл. Не понимаю, чего ты кипятишься – ведь мы только что с тобой разговаривали.

– Разговаривали? Со мной? Когда?

Я хотел ответить и осекся. Тут было что-то не так. Звонок в дверь раздался в тот момент, когда я повесил трубку, а от лаборатории до дома Мэри Энн не менее шести миль. Я сказал:

– Я только что говорил с тобой.

Он еще ничего не понял и повторил:

– Со мной?

Я указал на телефон.

– По телефону. Я звонил в лабораторию. По этому телефону. – Теперь я указывал на него обеими руками. – Мэри Энн слышала, как я с тобой разговаривал. Мэри Энн, ты ведь слышала?...

Мэри Энн сказала:

– Я не знаю, с кем ты разговаривал. Ну, что, мы идем наконец?

В этом вся Мэри Энн, она не терпит неточности.

Я сел. Я попытался быть хладнокровным и собранным. Я сказал:

– Клиф, минуту назад я набрал номер лаборатории, ты подошел к телефону, я спросил, какие результаты, и ты мне их продиктовал. Я их записал – вот они. Что, разве неверно?

И протянул ему бумажку с уравнениями. Клиф внимательно прочел их и сказал:

– Здесь все правильно. Но откуда они у тебя? Ты ведь не вывел их сам.

– Я же сказал тебе – ты их продиктовал по телефону.

Клиф покачал головой.

– Но я ушел из лаборатории в четверть восьмого. Там сейчас никого нет.

– Уверяю тебя, я с кем-то разговаривал.

Мэри Энн нетерпеливо теребила перчатки.

– Мы опаздываем, – напомнила она.

Я махнул ей рукой – погоди минутку – и спросил у Клифа:

– Послушай, а ты уверен...

– Да нет там никого, если не считать Малыша, конечно. Малышом мы называли наш механический мозг.

Мы стояли, переводя взгляд с одного на другого. Носок туфельки Мари Энн отстукивал чечетку – этакая бомба замедленного действия, готовая взорваться в любую минуту.

Вдруг Клиф расхохотался.

– Знаешь, о чем я думаю? – заявил он. – О карикатуре, которую недавно видел где-то: там был нарисован робот, отвечающий на телефонный звонок. Он говорил в трубку: “Честное слово, босс, в доме нет никого, кроме нас, думающих агрегатов”.

Мне это показалось совсем не смешным.

Я сказал:

– Поехали в лабораторию.

Мэри Энн встрепенулась:

– Но мы не успеем на спектакль.

Я обернулся к ней:

– Послушай, Мэри Энн, это очень важно. Мы забежим на одну минутку. Поедем с нами, а оттуда прямо в театр.

– Спектакль начинается...

Она не закончила фразы, потому что я схватил ее за руку и потащил на улицу.

Вот вам доказательство того, насколько эта история выбила меня из колеи. В обычное время мне бы и в голову не пришло командовать ею. Я хочу сказать, что Мэри Энн настоя-

щая леди. Просто у меня все смешалось в голове – я даже не помню, хватал ли я ее за руку вообще, но когда опомнился, мы все трое сидели в машине, и она растирала правую кисть, бормоча что-то о громадных гориллах.

Я спросил:

– Надеюсь, я не причинил тебе боли, Мэри Энн?

Она ответила:

– Ну что ты, милый, мне ведь каждый день выдергивают руки из суставов – это такое удовольствие!

И носком туфли она пнула меня в икру.

Она сделала это потому, что у нее рыжие волосы. В сущности Мэри Энн добрая девушка. Но она вынуждена время от времени оправдывать миф о рыжеволосой фурии – положение обязывает. Я-то вижу ее насквозь, но подыгрываю ей, бедняжке.

Через двадцать минут мы подъехали к лаборатории.

По ночам институт пустует. Он кажется особенно пустым оттого, что предназначен для толп студентов, спящих по коридорам и заполняющих аудитории. Когда их нет, здание выглядит заброшенным и одиноким. А может быть, мне так казалось потому, что я страшился подняться наверх в свою лабораторию и увидеть то, что ожидало меня там. Как бы то ни было, шаги звучали до нелепости громко, а кабина лифта выглядела неприлично грязной и мрачной.

Я шепнул Мэри Энн:

– Это не займет много времени.

Но она только фыркнула, и это у нее получилось очень здорово. Она ничего не может с собой поделаться – она всегда все делает здорово.

Пока Клиф отпирал дверь в лабораторию, я заглянул через его плечо, но ничего не увидел. Малыш находился на том же месте, на котором я оставил его. Если бы не светящаяся шкала, на которой сейчас ничего не отражалось, никто бы не догадался, что это думающий агрегат. Обыкновенный ящик, от которого к розетке в стене тянется черный провод.

Мы с Клифом обошли вокруг Малыша. Мне кажется, мы оба были готовы наброситься на него, сделай он хоть малейшую попытку сдвинуться с места. Но он был недвижим. Мэри Энн с любопытством разглядывала агрегат. Она даже провела по его крышке указательным пальцем, а затем брезгливо стряхнула пыль.

Я воскликнул:

– Берегись, Мэри Энн, не подходи! Стой там, где стоишь.

Она сказала:

– Здесь ни капельки не чище.

Она в первый раз попала в нашу лабораторию, и ей было трудно понять, что сборочная мастерская – это совсем не то же самое, что, скажем, современная детская. Два раза в день к нам заглядывает сторож и опорожняет корзины для бумаг. Раз в неделю с помощью швабры и мокрой тряпки он оставляет лужи на полу и грязные разводы на столах и полках.

Клиф заявил:

– Телефон не на том месте, где я его оставил.

Я спросил:

– Откуда ты знаешь?

– Потому что я оставил его там, – он указал рукой, где именно, – а теперь он здесь.

Если это так, то телефон переместился поближе к Малышу. Я проглотил слюну и заметил:

– Может быть, ты запамятовал?

Я попытался рассмеяться как можно естественнее, но у меня это не получилось.

– Где отвертка?

– Что ты собираешься делать?

– Заглянуть внутрь. Для смеха.

Мэри Энн заметила:

– Ты испачкаешься. Надень халат.

Она очень заботливая девушка, Мэри Энн.

Я пустил в дело отвертку. Конечно, когда мы доведем Малыша до кондиции и пустим его в производство, наши модели будут заключены в сплошной литой ящик. Мы даже подумывали об оболочке из цветного пластика для образцов домашнего типа. Однако наш лабораторный вариант держался на винтах, что позволяло нам всякий раз, когда было необходимо, разбирать его и снова собирать.

Впрочем, на этот раз винты не вывинчивались. Я пыхтел и сопел, но все было напрасно.

– Какой-то шутник приложил немало сил, чтобы вогнать

их так глубоко, – пробормотал я.

Клиф заметил:

– Кроме тебя, никто не прикасался к этой штуке.

Он был прав, но от этого мне не стало легче. Я выпрямился, тыльной стороной ладони вытер лоб и протянул ему отвертку.

– Хочешь попробовать?

Он попробовал, но ничего не добился.

Он сказал:

– Забавно.

Я спросил:

– Что именно?

Он сказал:

– Винт повернулся. Он выступил на одну восьмую дюйма, и после этого отвертка сама выскользнула у меня из рук.

– И что же тут забавного?

Клиф отступил назад, подобрал отвертку и, держа ее на весу двумя пальцами, заметил:

– А то, что я видел, как винт свернулся назад – на ту же восьмую дюйма – и плотно вошел в гнездо.

Мэри Энн начала терять терпение. Она сказала:

– Ох, уж эти умники! Если вам так нужно его открыть, почему вы не воспользуетесь паяльной лампой?

На одной из скамеек действительно лежала паяльная лампа, и на нее-то и указывала Мэри Энн.

Вообще-то идея применить паяльную лампу к Малышу

показалась бы мне такой же нелепой, как идея попробовать ее действие на самом себе. Но меня мучила одна мысль, которая, по-видимому, мучила и Клифа – мы оба думали об одном и том же. *Мальши не желал, чтобы его открывали!*

Клиф сказал:

– Что ты об этом думаешь, Билл?

Я сказал:

– Не знаю, Клиф.

Мэри Энн сказала:

– Поторопись, тупица, мы не попадем в театр.

Тогда я взял паяльную лампу и открыл кран кислородного баллона. Все это было похоже на убийство друга.

Но Мэри Энн остановила меня, заявив:

– До чего же глупы бывают мужчины! Смотрите, у вас все винты вывинчены. Вы, наверно, вертели отвертку в обратную сторону.

Вы, конечно, понимаете, что только идиот может вертеть отвертку в обратную сторону. Но я не люблю противоречить Мэри Энн, поэтому я сказал только:

– Мэри Энн, не стой так близко к Малышу. И вообще, почему бы тебе не подождать за дверью?

Но она воскликнула:

– Смотрите!

И на ладони у нее оказался винт, который она вытащила прямо так, руками, из наружной стенки Малыша.

Клиф сказал:

– Господи помилуй!

Они выползали – все двенадцать винтов, сами по себе, подобно крохотным червякам, медленно выворачиваясь из своих отверстий, а затем выпали. Я подобрал их все, за исключением одного, самого последнего, на котором висела, болтаясь, передняя панель, пока я не подхватил ее. Затем и этот винт выпал, и панель нежно плюхнулась в мои объятия. Я осторожно поставил ее на пол.

Клиф сказал:

– Он это сделал нарочно. Он услышал, как мы говорили о паяльной лампе, и сдался.

Его пухлое, обычно розовое лицо побелело. Я тоже чувствовал себя неважно.

Я сказал:

– Что он пытается скрыть от нас?

– Не имею ни малейшего представления.

Мы нагнулись над его открытым нутром и стали смотреть. Я слышал, как носок туфли Мэри Энн опять забарабанил по полу. Я взглянул на свои часы и самому себе был вынужден признаться, что времени у нас в обрез. В сущности у нас его совсем не оставалось. И вдруг я сказал:

– У него появилась диафрагма.

Клиф спросил:

– Где? – и склонился ниже.

Я указал.

– И громкоговоритель.

– Это ты их вставил?

– Конечно, нет.

Мне ли не знать, какие детали я вставляю.

– В таком случае как они сюда попали?

Мы сидели на корточках и препирались.

Я сказал:

– Наверно, он их сам вставил. Может, он их выращивает?

Посмотри-ка.

Я указал на две спирали, расположенные на некотором расстоянии друг от друга и напоминавшие два тонких свернутых пожарных шланга. Только шланги эти были металлические. На концах каждая спираль разветвлялась на пять или шесть тончайших нитей, в свою очередь закрученных в спиральки.

– И это тоже не твоя работа?

– Конечно, не моя.

– Что это такое?

Он знал, что это такое, и я знал. Что-то ведь должно было тянуться за необходимым материалом, из которого Малыш мастерил себе детали, и что-то протянулось за телефоном, когда тот зазвонил. Я подхватил переднюю панель и еще раз осмотрел ее. В ней появились два отверстия, прикрытых квадратными кусочками металла, свободно укрепленными на шарнирах так, что их легко было отодвинуть. Я просунул в отверстие палец и пошевелил им перед носом Клифа, добавив:

– И это тоже не моя работа.

Мэри Энн выглядывала из-за моего плеча; вдруг, без всякого предупреждения, она протянула руку и...

Я в это время вытирал испачканные маслом пальцы о бумажную салфетку и не успел остановить ее. Я должен был быть осторожнее – я же знаю Мэри Энн, она всегда готова прийти людям на помощь.

Как бы то ни было, она протянула руку, чтобы коснуться ну, этих, как их там – щупалец, что ли. Я так и не узнал толком, коснулась ли она их на самом деле или нет. Потом она утверждала, что не коснулась. Во всяком случае, она вскрикнула, а затем села на пол и стала растирать себе руку.

– За ту же самую, – жалобно протянула она, – сначала ты, потом *этой*.

Я помог ей подняться.

– Прости, Мэри Энн, я же предупреждал тебя, ты схватилась за оголенный конец провода...

Клиф прервал меня:

– Глупости. Никакой это не оголенный конец. Просто Малыш защищается.

Мне это и самому было ясно. Мне многое было ясно. Малыш был машиной нового типа. Математический принцип его действия отличался от всех других, когда-либо разработанных до него. Возможно, он обладал какой-то новой характеристикой, чем-то, чего не было в предыдущих думающих аппаратах. Может быть, ему захотелось стать живым и

начать расти. Может быть, у него возникло желание создать много других себе подобных машин – целые миллионы их, так чтобы они заполнили всю Землю и стали драться с человеческими существами за право обладать ею.

Я открыл было рот, но Клиф, должно быть, зная, что я собираюсь сказать, заорал:

– Нет, нет, не говори!

Но я не мог остановиться. У меня вырвалось:

– Послушай, его надо выключить. Эй, в чем дело?

Клиф заметил с укором:

– Он же слышит, о чем мы говорим, пустая твоя голова.

Неужели ты не понял, что он услышал про паяльную лампу? Я собирался прокрасться сзади и вытащить шнур из розетки, но теперь он наверняка убьет меня, если я осмелюсь прикоснуться к кабелю.

Мэри Энн отряхивала пыль с юбки и возмущалась состоянием нашего пола. Я уверял ее, что мы тут ни при чем и что во всем виноват сторож. То есть я хотел сказать, что это он развозит грязь по полу.

Тогда она сказала:

– А почему ты не наденешь резиновые перчатки и не выдернешь шнур?

Я видел, что Клиф недоумевает, почему это не пришло в голову ему самому, но, так и не выяснив причины, он натянул перчатки и направился к Малышу.

Я завопил:

– Осторожно!

Глупейшее предупреждение. Ему приходилось быть осторожным – у него просто не было выбора. Одно из щупалец (теперь уже не возникало никаких сомнений на этот счет) выдвинулось вперед, спираль разжалась и легла между Клифом и электрическим кабелем. Она едва заметно вибрировала, и вместе с ней вибрировали ее шесть отростков. Трубки внутри Малыша начали светиться. Клиф и не пытался перешагнуть через препятствие. Он попятился, и спустя некоторое время спираль сжалась и улеглась на место. Клиф снял перчатки.

– Билл, – сказал он, – так мы ничего не добьемся. Эта штука оказалась умнее, чем мы предполагали. Она умудрилась использовать мой голос в качестве модели при постройке диафрагмы. Она достаточно умна, чтобы, – он понизил голос до шепота, – додуматься, как генерировать собственную энергию и стать самозаряжающимся аппаратом. Билл, мы должны положить этому конец, иначе когда-нибудь с Земли раздастся телефонный звонок: “Привет, босс, здесь нет никого, кроме нас, думающих агрегатов”.

– Пойдем в полицию, – сказал я. – Мы им все объясним. Достаточно гранаты или...

Клиф покачал головой.

– Нельзя, чтобы о Малыше узнали. Кто-нибудь другой попытается воспроизвести его, а ведь он, как ты убедился, сулит всяческие неожиданности.

– Что же нам делать?

– Не знаю.

Я почувствовал резкий толчок в грудь, опустил глаза и увидел Мэри Энн, готовую взорваться. Она сказала:

– С меня хватит. Или ты идешь со мной, или не идешь.

Решай.

Я пробормотал:

– Но, Мэри Энн...

Она сказала:

– Отвечай – да или нет? Я никогда не была в более идиотском положении. Оделась, чтобы идти в театр, а он тащит меня в захламленную лабораторию и начинает возиться с дурацкой машиной и развлекать меня ее глупыми шутками.

– Уверю тебя, Мэри Энн...

Но она не слушала, она говорила. Жаль, что я не запомнил всего, что она тогда обрушила на меня. Хотя, пожалуй, это и к лучшему – уж очень мало приятного было сказано по моему адресу. Время от времени я пытался вставить: “Но, Мэри Энн...”, и всякий раз мои протесты тонули в новом шквале обвинений.

Мэри Энн в сущности добрая и деликатная девушка. Она теряет контроль над собой лишь тогда, когда возбуждается, и это объясняется только цветом ее волос. Как я уже говорил, ей приходится оправдывать репутацию рыжих фурий.

Во всяком случае, я опомнился в тот момент, когда она, наступив каблуком на носок моей правой туфли, поверну-

лась, чтобы оставить лабораторию. Я бросился за ней со своим неизменным: «Но, Мэри Энн...»

И тут заорал Клиф. Как правило, он не обращал на нас никакого внимания, но на сей раз он не выдержал.

– Почему ты не попросишь ее выйти за тебя замуж, тупоголовый идиот? – завопил он.

Мэри Энн остановилась. Она стояла в дверях, не оборачиваясь, и ждала. Я тоже остановился, и слова комом застряли у меня в горле. Я был не в состоянии вымолвить даже: «Но, Мэри Энн...»

А Клиф продолжал кричать что-то, хотя его голос доносился до меня как будто бы с расстояния не меньше мили.

Наконец я разобрал его слова:

– Ну же! Ну же! – повторял он снова и снова.

И тут Мэри Энн обернулась. Она была так прекрасна... Не знаю, говорил ли я вам, что глаза у нее зеленые с синеватым оттенком?

Она сказала:

– Ты что-то хотел сказать мне, Билл?

Клиф вложил мне в голову необходимые слова, и я хриплым голосом произнес:

– Ты выйдешь за меня замуж, Мэри Энн?

И тут же пожалел о своей смелости, решив, что она не захочет больше меня видеть. Но уже через секунду я был рад, что решился произнести эти слова, ибо она обвила мою шею руками и поднялась на носки, чтобы я мог поцеловать ее.

Я настолько этим увлекся, что не сразу почувствовал, как Клиф трясет меня за плечо, пытаясь привлечь мое внимание.

Я обернулся и рявкнул:

– Какого черта?

Сознаюсь, я вел себя по-свински. Ведь если бы не он...

Он сказал:

– Смотри!

В руках он держал конец кабеля, соединявший Малыша с источником тока.

А я – то начисто забыл о Малыше!

Я сказал:

– Значит, ты отключил его?

– Полностью.

– Как это тебе удалось?

Он сказал:

– Малыш был так увлечен сражением, которое вы тут разыграли с Мэри Энн, что мне удалось подобраться незамеченным к розетке. Мэри Энн дала отличное представление.

Мне не очень-то понравилось его замечание о Мэри Энн. Она не из тех, кто дает представления. Однако сейчас меня занимало совсем другое.

Я обернулся к Мэри Энн.

– Мне нечего предложить тебе, дорогая, кроме заработка учителя колледжа. А теперь, после того, что случилось, у меня не осталось ни единого шанса на...

Она перебила меня:

– Мне все равно, Билл. Я уже потеряла всякую надежду, дурачок ты мой любимый. И чего я только не пробовала!

– Наступала мне на ноги, толкала...

– Я была в отчаянии. Я шла на все.

Я не заметил во всем этом железной логики, но решил не добиваться ее, вовремя вспомнив о театре. Я посмотрел на часы.

– Послушай, Мэри Энн, если мы поторопимся, мы еще сможем успеть ко второму акту.

Она сказала:

– Кому нужен этот второй акт?

Я поцеловал ее, и мы так и не увидели пьесы.

Мы с Мэри Энн поженились и очень счастливы. Я получил повышение, стал профессором. Клифф продолжает работать над проектом управляемого Малыша. Работа его успешно продвигается.

Во всей этой истории меня беспокоит только одно.

Видите ли, на следующий день после того вечера я поговорил с Клиффом, рассказал ему о том, что мы с Мэри Энн хотим пожениться, и поблагодарил его за помощь. Он уставился на меня и с минуту внимательно разглядывал, а потом поклялся, что ему и в голову не приходило кричать на нас и тем более что-либо советовать.

Кто-то другой был тогда в комнате и наорал на нас голосом Клифа.

Меня все время беспокоит, а вдруг Мэри Энн догадается?

Она милейший человек, я это знаю, но у нее действительно рыжие волосы, и она должна поддерживать свою репутацию (впрочем, я, кажется, уже говорил об этом).

Вы представляете, что она скажет, если узнает, что у меня не хватило мужества сделать ей предложение, пока машина не приказала мне это сделать?